

Таким образом, XVII столетие стало временем формирования слоя монашества в западносибирском обществе и традиций иноческого образа жизни. В целом проблемы и трудности становления западносибирских монастырей как институтов православной церкви на недавно присоединенной территории не являлись региональной спецификой, а были характерны для всего российского монашества, о чем свидетельствуют постановления церковных соборов второй половины XVII в.

Д. А. Редин
Екатеринбург

Административные структуры Вятки в первый период петровских преобразований (1699–1719 гг.)*

Одной из характерных черт развития Русского централизованного суверенного государства был медленный, зачастую интуитивный и основанный на методе проб и ошибок процесс унификации управления. Анализируя завершающий период объединения русских земель под властью Москвы в последние годы правления Ивана III, В. О. Ключевский отметил как главное внутреннее противоречие великокняжеской политики колебания между двумя принципами («началами», «порядками», по определению историка) организации власти: частно-правовым, вотчинным, с одной стороны и публично-правовым, государственным – с другой¹. Земли и княжества, которые инкорпорировало в свой состав Великое княжество Московское к концу XV – первой четверти XVI в., обладали разным опытом предшествовавшего управления, обусловленным различия-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям в рамках НИР «Социокультурные и институционально-политические механизмы исторической динамики переходных периодов», шифр 2009-1.1-301-072-017.

¹ См.: *Ключевский В. О.* Русская история: полный курс лекций : в 2 кн. Минск ; М., 2000. Кн. 1. Лекция XXVI. С. 571–573.

© Редин Д. А., 2009

ми природно-географического, социально-демографического и экономического свойств. Формирование системы государственного управления, выраженного, в первую очередь, в создании приказов, послужило важным стимулом укрепления как самих государственных начал, так и структурной и системной унификации власти. Однако наиболее тяжело единая система и принципы государственного управления конструировались и реализовывались на местном уровне, где реликты прежних управленческих институтов и региональное своеобразие административной организации проявляли себя в разнообразных сочетаниях на протяжении нескольких веков.

К рубежу XVII–XVIII столетий успехи в реализации единых принципов функционирования власти были налицо. Петровские преобразования в административной сфере демонстрировали вполне осознанный и относительно системно организованный курс на бюрократизацию государственного управления. Тем не менее и в первой четверти XVIII в. различные территории России демонстрировали не только региональную, но и субрегиональную специфику административных структур. Эти специфические проявления необходимо выявлять и исследовать при осмыслении русского исторического процесса, тем более сегодня, на новом уровне развития отечественной и мировой историографии. Наблюдения, изложенные в настоящей статье, лежат в русле сказанного.

Вятская земля занимала промежуточное положение между европейской и азиатской (урало-сибирской) частями Русского государства. Относившаяся к исторической области «поморских городов», Вятка по своим экономическим характеристикам и социальной структуре в большей степени «тянула» к региону русского Севера. В то же время ее связь с восточными землями была более чем соседской.

Ресурсный (в первую очередь, демографический) потенциал Вятки играл огромную роль в социально-экономическом развитии Приуралья и Урала; тесными были административные связи Вятки и пермского Прикамья. С позиции естественно-географических критериев, состояния и характера биоресурсов и тому подобного Вятский край также может рассматриваться как часть Приуралья².

² См.: Россия: Полное описание нашего Отечества / под ред. В. П. Семёнова-Тян-Шанского. СПб., 1914. Т. 5 : Урал и Приуралье.

Первые административные эксперименты царя Петра в сфере местного управления, пронизанные (как и впоследствии) фискальным интересом, относятся к началу 1699 г., когда указом от 30 января посадским общинам было предложено, в случае их согласия, отказаться от воеводской власти и избрать бурмистров, создав органы городского самоуправления – бурмистерские, или земские избы. Взамен горожане должны были согласиться на двойной платеж оклада³. Посадское население чутко уловило подоплеку предложенного нововведения: выбирая между управленческой самостоятельностью и резким ростом материальных издержек, многие предпочли отказаться от царского предложения. По данным П. Н. Милюкова, из 70 городов европейской России 33 высказались за сохранение прежнего порядка управления, а жители 37 решились на введение бурмистерских должностей. При этом только в 11 городах положительное решение оказалось сопряжено с согласием платежа двойного оклада, а в 26 посадские миры с разной степенью прямоты заявили о невозможности таких выплат или обошли этот вопрос стороной⁴. Очень прохладной была реакция сибирских городов, фактически отказавшихся от введения земского самоуправления⁵. Что касается Вятки, то посадские люди и уездные крестьяне солидарно выступили за избрание бурмистров (по одному от городской и уездной крестьянской общин), но решительно отказались от двойного платежа. Слабая нормативная проработка городской реформы 1699 г.

³ См.: ПСЗ. Т. 3. № 1675.

⁴ См.: Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1892. С. 119–120.

⁵ Главной причиной негативного отношения сибиряков к реформе следует считать малочисленность и экономическую маломощность местного посадского населения. Известно, что многие города Сибири вообще не располагали посадками и по социальному облику были служилыми. В этой связи едва ли можно согласиться с мнением М. О. Акишина, считающего позицию сибирских жителей плодом фальсификации «коррупцированной верхушки сибирского воеводско-приказного управления» (см.: Акишин М. О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. С. 7–9). Мне более близка оценка Е. В. Вершинина, согласно которой служилые люди сибирских городов, составлявшие большинство населения, ощущали безальтернативность воеводской модели управления при всех издержках последней (см.: Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 146–147).

(в том числе неясный механизм передачи власти от приказных к бурмистерским избам) привела к тому, что в ряде городов, в частности в Хлынове (Вятке), положение последних воевод оказалось двусмысленным с точки зрения завершения их полномочий и вызвала случаи неповиновения населения воеводам еще до сдачи ими дел новым управленческим структурам. Окончательную ясность внес только январский указ 1700 г., полностью ликвидировавший воеводское управление в поморских городах⁶. С этого времени и на 10 последующих лет власть на Вятке сосредоточилась в руках двух погодно сменявшихся бурмистров и бурмистерской палаты, подчиненных Московской ратуше. Мощная посадская община Хлынова без особых трудов сумела организовать земские органы. Бурмистерские должности оказались заняты отпрысками богатых хлыновских фамилий Хохлаковых, Глухих, Свечниковых (Свешниковых), Мошковцевых и др.⁷. Характерно, что эти семьи принимали активное участие в управлении городом и ранее, их представители служили подьячими в приказных и неприказных учреждениях и занимали выборные должности.

Относительно недолгий век господства земских изб на Вятке был прерван начавшейся первой областной реформой. Дату начала реформы традиционно определяют указом от 18 декабря 1708 г.⁸ Однако уже с конца XIX в. такая датировка подвергалась сомнениям со стороны ряда историков⁹. Хотя каждый из скептиков предлагал свои нюансы трактовки исходной даты, главное, в нашем случае, сводится к тому, что с 1708 г. можно говорить лишь о подготовительном этапе реформы, в то время как практическое создание новых

⁶ См.: Милуков П. Н. Государственное хозяйство России ... С. 121–123.

⁷ См.: История местного самоуправления на Урале в XVII – начале XX в.: город, село, деревня / Е. Ю. Алпаримова, С. В. Голикова, Н. А. Миненко и др.; общ. ред. и предисл. проф. Н. А. Миненко. Екатеринбург, 1999. С. 12.

⁸ См.: ПСЗ. Т. 4. № 2218.

⁹ См., например: Коркунов Н. М. Время первого учреждения губерний // ЖМНП. 1893. № 1/2 (январь/февраль). С. 292–294; Милуков П. Н. Государственное хозяйство России ... С. 366, примеч. 2; Ключков М. В. Население России при Петре Великом. СПб., 1911. Т. 1. С. 22, примеч. 2; Письма и бумаги Петра Великого. М.; Л., 1950. Т. 9, вып. 1. С. 67–72; Авшаров Е. Г. К истории I областной реформы (1707–1709 гг.) // Русский город (исследования и материалы). М., 1982. Вып. 5. С. 93–95.

органов местного управления началось лишь с 1711 г.: Применительно к Вятке акт 1708 г. оказался примечателен тем, что он включил Хлынов с «четырьмя пригородками» и всю округу в состав Сибирской губернии. Формально это означало переход Вятской земской избы под контроль губернской канцелярии. В 1710 г. в Хлынове восстановили приказную избу и направили управлять уездом воеводу; им стал стольник Г. Д. Плещеев, занимавший эту должность до начала лета 1711 г., после чего его сменил стольник С. Д. Траханиотов (30 июня 1711 г.)¹⁰. Земская изба при этом сохранилась, но приобрела по отношению к воеводе подчиненное положение, ведая раскладкой и сбором налогов с посадских людей¹¹. Организация губернского управления вызвала к жизни ряд новых административных должностей, в том числе на уровне уездного звена. Одной из первых (по времени) в этом ряду учреждалась должность коменданта – уездного управителя, назначаемого вместо воеводы. Замещение воевод комендантами в общегосударственном масштабе относят или к 1710 г.¹², или к 1711 г.¹³, хотя, по замечанию М. М. Богословского, и после 1711 г. «нельзя... сказать, чтобы новое название упрочилось и чтобы старое (воевода. – *Д. Р.*) заменилось им окончательно»¹⁴.

Большинство историков видит во введении комендантских должностей простую формальность, смену названия руководителя уездного уровня, проведенную под влиянием «моды» на иностранные (остзейские) заимствования. Во многом это мнение соответствует действительности: круг должностной компетенции комендантов совпадал с воеводским; на первых порах назначения комендантов также оставалось в руках высшей власти. Коменданты на-

¹⁰ См.: РГАДА. Ф. 1113. Оп. 1. Д. 28. Л. 4. Незадолго до своего назначения воеводой Вятки стольник С. Д. Траханиотов по указу от 20 апреля 1710 г. проводил перепись местного населения (см.: Переписная книга 1710 г. // Вятка. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1887. С. 57).

¹¹ См.: История местного самоуправления на Урале ... С. 12.

¹² См.: *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960. С. 89; *Акишин М. О.* Полицейское государство и сибирское общество ... С. 86.

¹³ См.: *Ключевский В. О.* Русская история ... С. 453; *Богословский М. [М.]*. Исследования по истории местного управления при Петре Великом // ЖМНП. 1903. Ч. СССХХХХХ. Сентябрь. С. 57.

¹⁴ *Богословский М. [М.]*. Исследования по истории местного самоуправления ... С. 57.

значались и смещались именными указами, реже – указами Сената, принося присягу в губернской канцелярии¹⁵. Однако именным, объявленным из Сената, указом от 2 февраля 1712 г. в статус комендантов было введено новшество: право назначать комендантов на свое усмотрение получили губернаторы, обязанные лишь уведомлять Сенат о принятом решении. В силу этого же указа коменданты попадали в судебную компетенцию местных властей: по всему кругу дел они подлежали коллегиальному кригс-рехту в составе вице-губернатора, обер-коменданта и ландрихтера под председательством генерал-губернатора или губернатора¹⁶. Этот указ, ставший первым общим законодательным актом, регулировавшим статус комендантов, укреплял генеральную идею нового устройства местного управления, предполагавшую концентрацию административных ресурсов в руках губернаторов и перенос бремени административной ответственности на область. Немногим более полугода спустя, 6 августа 1712 г., на свет появился еще один именной, объявленный из Сената, указ, адресованный непосредственно губернаторам, в том числе – сибирскому. В нем повторялись положения предыдущего февральского и содержалось требование присылки в Сенат сведений о назначенных комендантах¹⁷. Для Сибири августовский указ имел особое значение, поскольку он послужил отправной точкой к введению комендантских должностей. Если стольники Г. Д. Плещеев и С. Д. Траханиотов, последовательно руководившие Вяткой в первые годы губернской реформы, именовались воеводами, то сменивший их стольник кн. И. И. Щербатов со второй половины августа 1712 г. начинает устойчиво обозначаться в деловой документации комендантом¹⁸. По моим сведениям, это было самое раннее применение комендантского звания в Сибири; после этого новый термин прочно входит в делопроизводственную лексику губернии и остается там до начала 1720-х гг.

¹⁵ См.: *Мрочек-Дроздовский П. [Н.]*. Областное управление России XVIII века до Учреждения о губерниях 7 ноября 1775 года: историко-юридическое исследование. М., 1876. Ч. 1 : Областное управление эпохи первого учреждения губерний (1708–1719 гг.). С. 47.

¹⁶ См.: ПСЗ. Т. 4. № 2484.

¹⁷ См.: РГАДА. Ф. 248. Кн. 17. Л. 158–159.

¹⁸ Первый документ с использованием нового должностного обращения см.: РГАДА. Ф. 1113. Оп. 1. Д. 28. Л. 238.

Восстановление государственного управления на принципах единоначалия понизило статус земской избы и заметно сузило ее компетенцию, но не отторгло от власти влиятельные посадские семьи Вятки. Последние нашли свое место в коронных органах, поступив на службу в приказный штат. Так, в составе подьячих Вятской приказной избы за 1711–1713 гг. документы обнаруживают подьячих средней статьи Бориса Свечникова и Андрея Глухих¹⁹. Лица с такими же именами избирались несколькими годами ранее вятскими бурмистрами: Борис Свечников в 1703 и 1708 гг., Андрей Глухих – в 1705 г.²⁰ С высокой степенью вероятности можно утверждать, что они и подьячие приказной избы – одни и те же люди. Помимо названных лиц в годы петровских реформ в приказном штате служили еще трое представителей семьи Глухих, а также члены других семейств вятских посадских, потомственно связанных как с исполнением канцелярской работы в государственных учреждениях, так и с органами местного самоуправления. Еще одной важной чертой, повышавшей статус хлыновского «патрициата» в местных властных структурах, являлось то, что подьячие Вятской приказной избы были заняты не только на обслуживании делопроизводства, но и активно задействовались на руководящей работе в качестве низших администраторов – управителей территориальных повьятий. Эти территориальные повьятья, своего рода присуды, объединявшие вятские волости и станы, можно рассматривать в качестве аналогов (по месту в системе административно-территориального деления) слобод и острожков Урала и Зауралья. Разница состояла в том, что на Урале роль низших управленцев традиционно исполняли служилые люди, а на Вятке, «где служилый элемент населения значительно уступал мощному и действенному посадскому»²¹, эти функции несли подьячие, принадлежавшие по исходному социальному происхождению к посаду. Выявление круга служебной компетенции вятских подьячих – руководителей террито-

¹⁹ См.: *Редин Д. А.* Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург, 2007. С. 422, 471.

²⁰ См.: *История местного самоуправления на Урале ...* С. 12.

²¹ *Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 64.

риальных повытий, показывает, что их главные заботы сводились к надзору за сбором податей и недоимок, «прибору» в тягло новых дворов, ведению «судом и податями»²² – обязанностям, традиционным именно для административно-управленческой деятельности.

Посредством приказного штата, который, как свидетельствуют документы, целиком (за единичными исключениями) состоял из местной городской верхушки и имел клановый характер, комендант осуществлял всю полноту власти над населением уезда. В то же время, как отмечалось выше, купцы и посадские люди Хлынова и «пригородков» формально находились вне комендантской компетенции. На практике же все обстояло иначе. Во-первых, горожане Хлынова в податном отношении находились в непосредственном подчинении Вятской приказной палаты. В частности, в 1713 г. сборами с хлыновских посадских заведовал дьяк-секретарь палаты Федор Сычев²³. Во-вторых, сборы с жителей и винная продажа в вятских «пригородках» (Котельниче, Слободском, Орлове) тоже чаще всего были в «повытьи» подьячих той же палаты или в ведении особых управителей, назначаемых губернатором или вятским комендантом²⁴. Обладал вятский комендант и определенными судебными полномочиями в отношении посадских. В его компетенцию входило решение гражданских исков ценою свыше 20 руб. и проведение следствия и суда «по великим винам и розыскным делам»²⁵. Каков был источник этой власти? Академик М. М. Богословский писал, что подведомственность населения посадков комендантам противоречила целому ряду указов, изданных на рубеже XVII–XVIII вв., «в эпоху учреждения ратуши». Он полагал, что такой порядок сложился без какого-либо законодательного импульса, в силу неискоренимой традиции, согласно которой воевода «ведаль» город, а посадские по всем вопросам обращались к воеводам²⁶. Тем

²² Именно так, прямо и недвусмысленно, определялась компетенция одного из таких подьячих, Я. Хлудова, державшего в 1711 г. в повытье хлыновские посадские сотни и успешные монастырские вотчины. См.: РГАДА. Ф. 1113. Оп. 1. Д. 28. Л. 570.

²³ См.: Там же. Л. 439.

²⁴ См.: Там же. Д. 29. Л. 47, 258.

²⁵ См.: Там же. Д. 28. Л. 711.

²⁶ См.: *Богословский М. [М.]*. Исследования по истории местного самоуправления ... С. 59.

не менее в одной из челобитных, написанной в августе, а поданной 10 сентября 1712 г. хлыновским посадским целовальником Иваном Богдановым кн. М. П. Гагарину, совершавшему объезд своей губернии, прямо говорилось, что «по великого государя указу велено нам, рабом твоим, в ведомстве быть в Вятцкой приказной палате»²⁷. К сожалению, на основании этого документа нельзя однозначно решить, о чем идет речь: об одном из факультативных случаев подчинения конкретного посада государственной администрации уезда (практика выборочного применения нормативного регулирования в административной сфере – не редкость в изучаемую эпоху) или о некоем общеобязательном указе²⁸. Но в любом случае какая-то законодательная база под этими комендантскими полномочиями была.

Говоря об организации коронного управления на Вятке в период первой областной реформы, нельзя вкратце не упомянуть о ландратах. Не вдаваясь во все сложные перипетии истории ландратуры²⁹, следует заметить, что на Вятке, как и во всей Сибирской губернии, этот институт не получил полноценного развития ни в виде ландратской коллегии образца 1713 г., ни в связи с попыткой организации ландратских долей в 1715 г.³⁰ Сибирские ландраты нашли свое применение лишь в качестве исполнителей дворовой переписи тяглого населения в 1715–1717 гг. На территории Вятского уез-

²⁷ РГАДА. Ф. 1113. Оп. 1. Д. 28. Л. 296.

²⁸ Судебные полномочия комендантов и их канцелярий по отношению к посадскому населению могли определяться именно факультативно в связи с формированием в ряде регионов страны с 1712 г. обер-комендантских провинций (см.: *Богословский М. [М.]*. Исследования по истории местного самоуправления ... С. 69–70; *Серов Д. О.* Судостроительство и судопроизводство в России накануне судебной реформы Петра I: тенденции развития (1696–1716 гг.) // ПИР. Екатеринбург, 2008. Вып. 7 : Источник и его интерпретации. С. 120), но Вятка формально не была обер-комендантской провинцией, а ее глава не носил ранга обер-коменданта, хотя фактически таковым являлся, о чем подробнее см. ниже.

²⁹ Наиболее ясно и полно историю ландратуры в масштабах всей России реконструировал М. М. Богословский (*Богословский М. [М.]*. Исследования по истории местного самоуправления ... С. 72–144).

³⁰ Подробнее см.: *Редин Д. А.* Сибирские ландраты. 1714–1720 гг. (Материалы к исследованию) // Петровское время в лицах – 2005. СПб., 2005. С. 181–194; *Его же.* Административные структуры и бюрократия Урала ... С. 162–175, 189–195.

да известна деятельность двух ландратов-переписчиков: стольников кн. Я. И. Вяземского в Хлынове³¹ и И. М. Кологривова в Слободском³². Судя по всему, со своими обязанностями они справились плохо. Несколько лет спустя кн. Я. Вяземского и И. Кологривова вместе с Б. Еварлаковым, который считал тяглецов в Кунгуре, тщетно пытались привлечь к ответу за провал ландратской переписи. Назначенный воеводой Вятской провинции полковник В. И. Чадаев 8 июня 1720 г. доносил в Сенат, что он не может выслать, в соответствии с указом, «ландратов, которые переписывали крестьянские и бобыльские дворы... с переписными и перечневыми выписками и с табели скованных за караулом», поскольку не знает, «куда они с переписными книгами ис провинции Вятской съехали»³³. Правда, и в этом случае вятская административная практика задает исследователям небольшую загадку. В течение нескольких месяцев 1716 г. указы, поступавшие на Вятку и от губернатора, и из канцелярии Сибирской губернии в Москве, и от губернского ландрихтера И. Л. Чепелева, персонально адресовались ландрату кн. Я. И. Вяземскому и секретарю Вятской приказной палаты дьяку В. Окоемову³⁴. Данное обстоятельство может свидетельствовать только о том, что в это время Вяземский исполнял обязанности «главного командира» Вятского уезда. В то же время следует однозначно исключить возможность замены Вяземским вятского коменданта В. К. Толстова (замены комендантского управления ландратским), ибо стольник Толстой, в соответствии со всем массивом делопроизводственной документации, оставался комендантом вплоть до своего перевода на новое место службы в декабре 1719 г. Остается лишь предположить, что ландрат Вяземский в качестве старшего чиновника временно замещал Толстого, уезжавшего из Хлынова по какой-нибудь казенной надобности.

³¹ См.: РГАДА. Ф. 1113. Оп. 1. Д. 28. Л. 951; Д. 29. Л. 122; Ф. 248. Кн. 155. Л. 952, 1170.

³² См.: Там же. Ф. 1113. Оп. 1. Д. 29. Л. 368–368 об. Земский староста Слободского 13 августа 1719 г. бил челом вятскому коменданту В. К. Толстому в связи с неправильным обложением «нищенских» и вдовьих дворов, установленным на основании переписи 1717 г., осуществленной И. Кологривовым (см.: РГАДА. Ф. 248. Кн. 155. Л. 1170).

³³ Там же.

³⁴ См.: Там же. Ф. 1113. Оп. 1. Д. 28. Л. 1037–1083.

С 1712 г. в России широко, но не повсеместно, начинают формироваться укрупненные административно-территориальные единицы, занявшие промежуточное положение между губерниями и уездами. В научной литературе эти единицы, объединявшие несколько уездов внутри губернии, получили название обер-комендантских провинций, поскольку каждая имела во главе чиновника в ранге обер-коменданта³⁵. Обер-комендантские провинции (как и столь же факультативно введенные в 1715 г. ландратские доли) стали результатом эмпирического поиска оптимальной модели административно-территориального устройства страны, более системно и полноценно реализованного в ходе провинциальной, или второй областной, реформы в 1720-х гг. В Сибирской губернии провинции во главе с обер-комендантом существовали в северо-западной и восточной частях: в Березове, Томске, Енисейске. Что касается западной части губернии, то там процесс укрупнения уездов пошел несколько иным, более сложным путем. В некоторых крупных и значимых уездах коменданты не *de jure*, но *de facto* обладали обер-комендантскими полномочиями благодаря наличию в своем подчинении комендантов, управлявших не уездами, а более мелкими административно-территориальными подразделениями: пригородами, станами, слободами, острогами, заводами и «тянувшими» к ним сельскими округами; некоторые из этих подразделений обладали потенциалом оформления в полноценные уезды, что в более отдаленной перспективе и произошло. Так, среди прочих, по типу провинциальной строилась конструкция управления в Вятском уезде.

Как известно, центр края – г. Вятка (Хлынов) – находился в окружении городов, которые по древнерусской традиции именовались «пригородами». Этим названием прежде всего подчеркивалось их подчиненное административное положение по отношению в главному центру. Насколько можно судить по многочисленным канцелярским документам, эти пригороды были в прямом управлении Вятской приказной палаты. Система прямого подчинения выражалась в том, что в пригородах не существовало местной государственной администрации, а органы мирского само-

³⁵ См.: *Богословский М. [М.]*. Исследования по истории местного самоуправления ... С. 68.

управления этих населенных пунктов курировались, или, пользуясь аутентичным термином, были «в повиытьи» подьячих Вятской воеводской канцелярии. Между тем каждый из пригородов сам был центром определенной округи, «притягивая» к себе сельские поселения, станы и волости. При гагаринском губернаторстве были предприняты попытки придать пригородам статус своего рода уездных центров путем назначения в них особых управителей, подчиненных не подьячим приказной палаты, а непосредственно вятскому воеводе (коменданту). Конечно, в урало-сибирской практике организации местного государственного управления XVII – начала XVIII в. существовала традиция назначать особых начальников – приказчиков в удаленные от уездного центра слободы, образовавшие вместе с окрестными сельскими поселениями мелкие «присуды». Но то, что предпринял на Вятке кн. М. П. Гагарин, выглядело серьезнее. Командиры пригородов получили наименование комендантов, их округа неустойчиво, но достаточно регулярно определялась в деловой корреспонденции как уезд, да и сами пригороды (близко находившиеся от Хлынова) по численности населения и общему социокультурному значению намного превосходили слободы Зауралья и Сибири. Такой порядок, как представляется, менял административно-территориальную структуру и архитектуру местного управления на Вятке, превращая ее в провинцию.

Первым из вятских пригородов был повышен статус Слободского³⁶. Гагаринским распоряжением от 2 марта 1713 г., направленным вятскому коменданту кн. И. И. Щербатову, «ведать судом и росправою и податями всех чинов людей» Слободского и Коринских волостей назначался стольник И. И. Немтинов. В тексте документа особо пояснялось, что вне компетенции Немтинова оказывались вятские «уездные люди» как находящиеся в юрисдикции кн. Щербатова. Прямыми начальниками слободского командира

³⁶ Возможно, это обуславливалось и тем, что до 1636 г. Слободской уже был центром самостоятельного воеводства (см.: Вершинин *Е. В.* Воеводское управление на Урале в XVII в. // Эволюция административного устройства и управления в России: историческая ретроспектива и современность. Екатеринбург, 2001. С. 9).

были названы губернатор, ландрихтер и вятский комендант³⁷. Слободской в качестве подчиненного, но автономного от Хлынова центра предстает и в последующих документах. Когда летом того же года вятский комендант кн. Щербатов и секретарь приказной палаты дьяк Ф. Сычев были вызваны по служебным делам в Тобольск, вместо них «на хозяйстве» остались дьяки В. Окоемов и А. Аникеев. Губернаторский приказ от 13 июля 1713 г. повелевал им ведать всеми делами по уезду, кроме Слободского, Слободского уезда (так!) и коринских татар, вотяков и бесермен, «приказанных» И. Немтинову³⁸. А в конце года (30 ноября 1713 г.) кн. М. П. Гагарин приказал уже новому вятскому коменданту, Г. И. Вахромееву, перевести из Вятской приказной избы в Слободской подьячего средней статьи Ф. Коробова, который должен был служить при И. И. Немтинове в ранге старого подьячего. Несомненно, что в данном документе вполне очевидно проступают контуры Слободской комендантской канцелярии, которую, вероятно, должен был возглавить Коробов. Кстати говоря, в этом же распоряжении Немтинов впервые официально назван комендантом³⁹. Когда на Вятке произошла очередная смена руководства, в указе от 11 сентября 1714 г., данном стольнику В. К. Толстому, получившему комендантскую должность, говорилось, что ему «велено на Вятке быть в Хлынове, и в Котельниче, и в Орлове» – в перечне вятских пригородов красноречиво отсутствовал Слободской⁴⁰. Как долго комендантствовал в Слободском И. И. Немтинов, выяснить пока не удалось. Но превращение одного из пригородов в уездный (?) центр положило начало дальнейшим административным трансформациям. В конце 1714 г. та же судьба ожидала Котельнич. Как можно узнать из приказа губернатора от 9 декабря 1714 г. в. К. Толстому, в Котельнич и «в уезд» (так!) тоже назначался особый комендант – капитан Петр Ермолаев. По стандартной

³⁷ См.: РГАДА. Ф. 1113. Оп. 1. Д. 28. Л. 531–531 об. Обращает на себя внимание высокий служебный ранг И. И. Немтинова, хотя это был не единственный в западных уездах Сибирской губернии случай назначения на низшую административную должность «шаредворца» или московского дворянина. Впрочем, по общей практике подобные службы доставались более скромным по статусу людям – местным служилым или обер-офицерам.

³⁸ См.: РГАДА. Ф. 1113. Оп. 1. Д. 28. Л. 574.

³⁹ См.: Там же. Л. 601.

⁴⁰ См.: Там же. Л. 767.

формулировке он должен был ведать там судом, расправой, сборами и винной продажей. Документ более детально устанавливал судебные полномочия капитана: он мог судить гражданские иски ценой до 20 руб.; более крупные разбирательства, уголовные и государственные преступления подлежали следственной и судебной (в части, касающейся) компетенции хлыновской администрации⁴¹. По аналогии можно полагать, что судебная юрисдикция слободско-комендантская была такой же, как и у коменданта Котельнича.

В какую-то степень судебной зависимости от Вятки, возможно, был поставлен и Яренск – самостоятельный уездный город, не относящийся к кругу пригородов. В одном из приказов губернатора вятскому коменданту Г. И. Вахромееву в начале 1714 г. устанавливалось право жителей Яренского уезда бить челом в судных делах на сысольских крестьян на Вятке, а вятскому коменданту, в связи с этим, давалось право вести розыск по таким челобитьям⁴². Все эти случаи ясно указывают на стремление превратить Вятский уезд в провинцию, а инициатором этого процесса явно выступал кн. М. П. Гагарин. Какую корысть преследовал этот искушенный и, несомненно, одаренный управленец – предмет особых размышлений, но похоже, что такое развитие событий оказалось прерванным. На 1719 г. приходится кампания по ликвидации административной «автономии» пригородов. Очевидно, что каким-то образом она могла быть связана со следствием над первым сибирским губернатором, который к этому времени уже крепко сидел «на крючке» розыскной канцелярии. Хотя приказы по-прежнему составлялись от имени князя Матвея, подписывались они тобольскими обер-комендантом С. П. Карповым и ландратом В. П. Грековым, и я не берусь судить, насколько в том или ином случае в них была действительно отражена воля опального сановника, арестованного в январе 1719 г. Так или иначе, но в истории с пригородами интересны не-

⁴¹ См.: РГАДА. Ф. 1113. Оп. 1. Д. 28. Л. 711.

⁴² См.: Там же. Л. 645–645 об. Впрочем, возможно, что в данном случае речь идет не об установлении инстанционной подчиненности Яренска Хлынову, а о роли вятского коменданта в решении дел между субъектами различной административной принадлежности (что-то вроде старинного «сместного» суда): сысольские крестьяне – подчиненные Вятской приказной палаты, вот яренцы и получали право искать на них в Хлынове.

сколько документов конца 1718–1719 г. В одном из них, адресованных В. К. Толстому, от 3 декабря 1718 г., повелевалось передать Коринскую волость в повытье подьячему вятской приказной палаты в. Кононову, а подьячему Т. Метелеву «быть у *прежнего* повытья пригортков Орлова и Котельнича»⁴³. Смысл приказа, таким образом, сводится к тому, что Коринскую волость изымали из управления коменданта Слободского (урезая, тем самым, территорию его ведомства), а Котельнич и, видимо, Орлов, который, судя по формулировке («быть у *прежнего* повытья»), тоже мог существовать как уездный центр⁴⁴, возвращали в прежнее состояние, под прямое управление приказной палаты. Обладал Орлов, подобно другим пригородам, собственной администрацией или нет – вопрос, требующий дополнительной информации, но Котельнич в качестве уездного центра в изучаемый период больше не фигурирует. Несколько более долгой оказалась самостоятельная жизнь Слободского. Во второй половине 1719 г. (с начала сентября) канцелярское делопроизводство обнаруживает, что «Слободцким ведомством» управлял новый комендант – Илья Озеров⁴⁵. Однако в связи с начавшейся вскоре второй областной реформой процедура превращения пригородов в уездные центры утратила свою актуальность. Вятская провинция была создана именными указами⁴⁶ путем подчинения Хлынову Кайгородка и Кунгура с уездами, а последний комендант Слободского стал в этой провинции земским камериром – начальником податного ведомства.

Впрочем, дальнейшая административная история Вятки выходит за рамки настоящей статьи и требует отдельного изучения, поскольку на сегодняшний день она восстанавливается еще со значительными лакунам.

⁴³ РГАДА. Ф. 1113. Оп. 1. Д. 29. Л. 47.

⁴⁴ Еще один документ, который косвенно может указывать на то, что какое-то время Орлов обладал таким статусом, – приказ коменданта В. К. Толстого и комиссара И. Тряпицина (август 1719 г.) о принятии Орлова с уездам подьячим П. Глебовым у *прежнего* повыгчика В. Хаустова (видимо, преемника Т. Метелева). См.: РГАДА. Ф. 1113. Оп. 1. Д. 29. Л. 258.

⁴⁵ См.: РГАДА. Ф. 1113. Оп. 1. Д. 29. Л. 262, 302–302 об., 414–414 об.; Ф. 248. Кн. 155. Л. 719.

⁴⁶ См.: ПСЗ. Т. 5. № 3378, 3380.